

Вача, «Труд», 20-е годы
(по материалам советской прессы)

Сохранившиеся материалы советской прессы 20-х годов прошлого столетия, в первую очередь — муромской газеты «Известия», «Павловского металлиста»¹ и других позволяют взглянуть на историю Вачи и фабрики стальных изделий (позже — фабрика №1, фабрика «Труд», завод «Труд»), известную выпуском ножевых изделий, глазами современников событий, речь о которых пойдет ниже.

В 1919 году в муромских «Известиях» была напечатана заметка «Вачская жизнь «зимой», рисующая совершенно идиллическую картину русской глубинки: «Начался день, в окнах кое-где начинают мелькать тусклые огоньки, женщины начинают топить печи, дети уходят в школу, а мужчины и подростки отправляются на фабрику. На фабрике уже в полном разгаре идет работа, издали слышен стук паровика. Но вот в 9 час. раздается свисток, это завтрак. Рабочие спешат по домам, чтобы утолить свой начинающийся уже голод, после чего возвращаются на фабрику и в час таким же порядком идут на обед; и снова возвращаются на фабрику продолжать свой труд. Но вот отпустили из школы детвору, которая, положив книжки, выходит на улицу покататься с гор. Хозяйки, убравшись по дому, начинают что-нибудь делать, а старухи прядут лен. На фабрике снова гудит свисток, рабочие толпами, усталые, возвращаются с работы на отдых, а молодежь не зная его, спешит погулять и повеселиться: кто в Народный Дом, а кто гулять по селу. Иногда местною молодежью артистами ставятся спектакли, танцевальные вечера, а местным фельдшером иногда читаются лекции. К.» (№ 5, 15 января 1919 г.).

Удивительно, но при том, что в совсем небольшой статье приведена хронология одного зимнего дня, и есть частые напоминания о времени, при ее прочтении возникает чувство безвременья. Нет событий, нет даже отголосков гражданской войны (а идет 19-й год, через две недели Красная Армия займет Киев, а войска под командованием адмирала А.В.Колчака еще через месяц начнут продвижение в направлении Симбирска и Самары), нет упоминаний о разрухе и голоде, о ценах на продовольствие и металл. Есть просто зарисовки ничем не примечательного и безликого зимнего дня, но в котором нет места никаким потрясениям и плохим новостям.

Вместе с тем статья говорит о многом, в том числе и том, что некоторые порядки и особенности на фабрике, а также отличия от других предприятий, введенные еще до 1917 года, поначалу оставались и в советское время. Первое и самое главное — в январе 1919 года фабрика работала — «издали слышен стук паровика»! Далее, как ни старался автор показать освобожденный от эксплуатации труд — «дети уходят в школу, а мужчины и подростки ... на фабрику», но «на фабрике уже в полном разгаре идет работа». Кто же работал на фабрике, когда мужчины и подростки только туда отправляются? Это и распорядок дня — первый перерыв в 9 часов утра и обед в 13. Сравните с тем, который был раньше, например, у кустарей: «... а между тем работа кустарей в настоящее время крайне тяжела. Она начинается зимой в 1 час ночи, в 7 часов утра прерывается на час для завтрака, в 2 часа дня бывает перерыв на то же время для обеда и около 7 часов вечера заканчивается»². Второе — скорее особенность, присущая именно Ваче — это «хозяйки, убравшись по дому ...» и «отпустили из школы детвору». В отличие от других фабричных учреждений, особенно павловских, женский и детский труд на фабрике использовался в меньшей степени (об этом ниже).

Но есть, конечно, перемены и отличия от Павлова. Это — «начался день, в окнах кое-где начинают мелькать тусклые огоньки». Огоньки мелькают не с одного-двух часов ночи, как у павловских кустарей. Тусклые — электричество еще не пришло. Например, через

¹ «Рабоче-крестьянская газета», «Павловская жизнь», «Смычка» — предыдущие названия газеты «Павловский металлист», название муромских «Известий» позже менялось на «Луч» и «Красный луч».

² Ал.Савельев, «Павловские кустари», «Волжский вестник», № 255, 17 октября и № 257, 20 октября 1889 г.

четыре года, в октябре 1923 года, в Ваче были освещены лишь рабочий клуб и общежитие рабочих, в домах по-прежнему пользовались керосиновыми лампами («Луч», № 180, 31 октября 1923 г.).

Несмотря на то, что статья «Вачская жизнь «зимой» говорит о многом, она совершенно обходит вниманием один немаловажный вопрос, а именно, то, о чем говорит В.А.Воробьев в «Вачских металлистах»: «Зимой 1919 г. в Ваче сложилась тяжелая обстановка со снабжением продовольствием. Рабочие и их семьи буквально голодали»³.

Надвигались бурные события — в апреле 1919 года фабрика будет национализирована, а осенью ее владельцам — Кондратовым «предложат» покинуть Вачу.

Кстати, о Павлове. Сравните, как сообщает некто Н.А.К. в той же газете о Павлове («с. Павлово, Нижегород. Губ.», «Известия», № 6, 18 января 1919 г.): «Жизнь здесь протекает хорошо, вот только с продовольствием дело обстоит плохо...», и далее — «Хорошо здесь поставлено культурно-просветительское дело. Имеется 1) клуб коммунистов и 2) 1-й Советский дом. Артистами-любителями часто устраиваются спектакли, которые всегда привлекают массу публики». Поистине — хлеба и зрелищ!

Как же работала фабрика в это время? Об обстановке на вачской фабрике стальных изделий № 1 в январе 1921 года в числе других предприятий района рассказывала небольшая заметка «Вачский район» (одна из первых публикаций о предприятии после событий 1917 года): в топорном цехе отсутствовала вентиляция, а у рабочих, которые разрезали куски раскаленной стали, не имелось рукавиц, в этом же цехе вся крыша требовала ремонта. Кроме того, из-за отсутствия стекла рабочим пришлось скучиться в одном темном углу, где не пройти, не повернуться и станки стоят почти станок на станке. И далее — «грязи от скученности было очень много» («Луч», № 5, 15 января 1921 г.).

В апреле 1922 года в Ваче работала межведомственная комиссия под председательством инженера из центра Акимова, которая занималась обследованием фабрик Вачского района. Для выработки хозяйственного плана техникам Соколову, Воцинину и Моржакову было поручено обследовать фабрику в Ваче и представить свои соображения по поводу ее дальнейшей деятельности («О Вачском районе», «Луч», № 26, 8 апреля 1922 года). Улучшение быта рабочих фабрик напрямую связывалось с созданием нового треста — преемника Райметалла (будущего муромского районного управления металлообрабатывающей промышленности — МРУМПа, аналога ПРУМПа). Отсутствие пайков при среднем заработке рабочего в 1-1 ½ миллиона рублей в месяц создавало обстановку, в которой местный рабочий начинал тяготеть к земле, т.е. уходил с фабрики. Связывались большие надежды с тем, что правление нового треста, наконец, разместится непосредственно в Ваче, а не в Муроме, как было с Райметаллом.

Фабрика умирала. Рабочие получали нищенское жалованье, а между тем, вырабатываемый на фабрике полуфабрикат имел громадный спрос. При этом, как говорилось в заметке «Загадка» («Луч», № 32, 5 мая 1922 г.), «артель почти с ручными способами обработки может получать и получает прибыль, достаточную не только для пропитания своих членов, но и для расширения производства. Да что артель! Один человек, приобретший пуд стали и превративший ее в фабрикат, дает возможность заработать шлифовальщику, кузнецу и др. и немало наживает сам, выпуская продукцию, грубую, несравненно худшую фабричной, он все-таки ее сбывает, получая при этом нужную прибыль. А такая фабрика, как, например, бывшая Кондратовская, знаменитая качеством своих изделий, прозябает и накануне остановки. Рабочие получают гроши. Производство не расширяется. Фабрикат, еще до сих пор не потерявший своего качества, после реализации не оправдывает расходов на производство». Причина такого положения дел, по мнению автора статьи (некто Прохожий) состояла в «каких-то спекулятивных вакханалиях за счет наших фабрик в Москве».

В мае того же года появились интенсивные слухи о грядущем закрытии фабрик

³ В.А.Воробьев, «Вачские металлисты», Нижний Новгород, 1990, стр. 12.

района — в результате решения нового правления треста металлообрабатывающей промышленности. Рабочие говорили: «Попробовали бы сначала как следует машины да станки отремонтировать, да хлеба бы по пуду в месяц давали — тогда не меньше сработаем, чем раньше, и убытка фабрике не будет! Убыток не от нас идет, а от Управления, которое от нас за тридевять земель!...» (Мих. Лидин, «По Вачскому району», «Луч», № 36, 17 мая 1922 г.).

«Среди рабочих Вачского района царит большое возбуждение, возрастающее с каждым днем по мере получения здесь «решительных» приказов от Коллегии Муромского райметалла. Здесь закрываются фабрики №№ 2, 3 и 4, — накануне закрытия, очевидно, и мощнейшая из них — фабрика № 1-й. Когда-то мощные, лучшие по своей специальности фабрики перестают дышать, замирает громадный промышленный район, еще столь недавно насчитывающий несколько тысяч рабочих» («Среди рабочих Вачи», «Луч», № 38, 24 мая 1922 г.). Высказывалось много предположений относительно причин, вызвавших закрытие фабрик: «Иные говорят, что — вследствие отсутствия сырья, другие указывают на дефицитность фабрик, но рабочие не хотят и слышать об этом последнем.

«Нет убытка и не было!» — решительно заявляют они — получше бы вот делами управляли да поподходящее сбыт товаров устраивали — тогда бы все по-хорошему и шло!.. А то — оторвались от фабрик, да и благодумствуют себе в Муроме, ни мало не заботясь о нашем брате!..»

Слухи о закрытии фабрики оказались пророческими — 27 мая вышло распоряжение муромского Райметалла о закрытии в Вачском районе фабрики № 1. На район надвигалась безработица («Думают пусть сами», «Луч», № 42, 7 июня 1922 г.).

Но закрытие фабрики оказалось временной мерой, его решено было использовать для ремонта оборудования: «Для осуществления неотложного ремонта по предварительным подсчетам потребуется до 27 миллиардов рублей, 22 из них пойдут на № 1 (быв. н-ов Д.Д.Кондратова).

Оборудование этой фабрики, как, впрочем, и других, изношено до пределов, не допускающих дальнейшего его целесообразного и экономически выгодного применения.

В основном ножевом цехе значительная часть молотов, прессов и штампов совершенно выбыла из строя и может быть пущена в работу только после более или менее крупного ремонта.

Оборудование топорного цеха требует ремонта всего состава машин. Нагревательные печи этого цеха работают неправильно и полезное действие их значительно ниже нормального» («К остановке фабрик Вачского района», «Луч», № 45, 17 июня 1922 г.).

В июне 1922 года сообщалось о создании нового треста — муромского металлотреста, в состав которого и вошла вачская фабрика. Сам же новый трест был включен в систему Владимирского губсовнархоза и управлялся правлением, в составе которого состояли председатель правления А.Д.Солодовников, члены: П.И.Акимов и К.Н.Гладков⁴ и кандидат в члены правления И.Л.Пронин. Новое правление треста поддержало необходимость летней остановки фабрик района («Новый трест», «Луч», № 45, 17 июня 1922 г.).

В ночь на 3-е ноября на фабрике «Труд» произошел пожар («К восстановлению фабрики № 1-й (в Ваче)!»), «Луч», № 5, 18 января 1923 г.). Пожаром полностью были уничтожены машинное отделение, молотовая кузница, механическая мастерская, запасы разного оборудования, инструментальный склад. «Убытки от пожара громадные, и решение правления Муромского металлотреста начать работу по ремонту и оборудованию фабрики можно признать героическим» (там же). В статье «Фабрика восстановлена» говорилось: «...

⁴ К.Н.Гладков является соавтором исключительно интересной работы — К.Н.Гладков, С.А.Ветров. Павловская металлическая промышленность в русской книжной, журнальной и газетной литературе, 1936 г. Библиографический указатель книг, журнальных и газетных статей с кратким их описанием их с 1730 г. по 1935 год.

казалось, что над местным районом в смысле развития дальнейших производственных чаяний будет поставлен крест. И когда дымились фабричные руины, сами рабочие с горечью говорили: «нет, фабрика уже не воскреснет», — рисуя отсюда самые мрачные перспективы для района. Но Правление Металло-Треста не опустило рук перед лицом случившегося несчастья и решилось фабрику восстановить. И когда об этом решении Правления стало известно в районе, то рабочие района вздохнули полной грудью. Грозный призрак безработицы им уже не угрожал. Ни мало не медля, Правление Металло-Треста взялось за ремонт, организовав артели плотников, кровельщиков и ремонтных рабочих по металлу. Закипела работа в черных стенах обвалившихся корпусов — десятки подвод подвигивали лес и тес. Мрачные здания одевались в новые крыши, сотни рабочих прибирали, вычищали внутри помещений, прилаживали и ремонтировали погоревшие станки и пресса, приводили в порядок попортившееся оборудование» («Луч», № 1, 4 января 1923 г.).

Кроме непосредственного восстановления фабрики, правлением треста была поставлена цель оптимизировать размещение рабочих помещений, в ходе чего было запланировано изменить расположение ряда производств (например, на месте прессовой мастерской предполагалось расположить топорную точильную, что отменяло необходимость перенесения огромных тяжестей в гору и обратное возвращение их оттуда). Также предусматривалось, что в группе зданий, подвергшихся действию пожара, будут уничтожены все лишние стены, перегородки, уничтожены закоулки, фабрика получит ряд просторных, светлых, расположенных в требуемом производством порядке рабочих помещений, удобных для работы, тогда как до пожара это был лабиринт («К восстановлению фабрики № 1-й (в Ваче)!»), «Луч», № 5, 18 января 1923 г.). В первую очередь были восстановлены котельное и машинное помещения. Уже 15 декабря был пущен топорный отдел, 20-го заработала кузница, к 30-му количество действующих молотов в ней было доведено до 22, что оказалось достаточным для пуска отделочных цехов.

Финансовые расходы по восстановлению фабрики в период с ноября 1922 года по 15 июня 1923 года составили 21859 довоенных золотых рублей.

В этот период было восстановлено и частично перестроено до 10 построек на сумму 9420 рублей и отремонтировано свыше 30 различных машин (например, паровые машины «Компаунд» и «Густав Лист», котлы Шухова и Ланкаширский, пресса прорезальные и т.д.) на сумму 12439 рублей («Что стоил ремонт ф-ки № 1», «Луч», № 105, 18 июля 1923 г.).

В апреле 1923 года в статье «Отрыжка старины» («Луч», № 32, 4 апреля 1923 г.) корреспондент металлист рассказал о том, что конторой фабрики было получено два письма от рабочих, в одном из них содержалось поздравление с открытием рабочего клуба, содержание другого было таково: «Ввиду успешного окончания ремонта сгоревшего здания механического цеха нельзя ли получить на чай?! Считаем нашу просьбу вполне законной». Далее следовало 12 подписей. Разгадку его происхождения корреспондент отыскал в прошлом, в бытовых условиях жизни вачского труженика: «Из рассказов самих же рабочих выяснилось, что «чаевые» были в самом большом ходу при старых хозяевах. Один из самодуров Кондратовых частенько бивал своих служащих и в предупреждение жалоб компенсировал их «чаевыми».

С января 1923 года в «Луче» печатались ежемесячные статистические сводки о состоянии производства на фабрике. Сводки включали следующие сведения — количество работников, занятых на производстве, данные о заработной плате, количестве использовавшегося оборудования, о выработке готовых изделий и полуфабрикатов, об обеспеченности фабрики топливом (нефтью, углем и т.п.) и сырьем для работы. Иногда к указанным данным добавлялись сведения о неявках рабочих на фабрику (опозданиях, прогулах и т.п.), о сверхурочных работах, простоях.

Так, например, по состоянию на январь 1923 года на фабрике было занято 864 чел., в том числе мужчин в возрасте до 16 лет — 16 чел., до 18 лет — 44 чел., 18 лет и старше — 704

чел., женщин до 18 лет — 2 чел., 18 лет и старше — 98 чел. («Несколько цифр о ф-ке № 1», «Луч», № 20, 1 марта 1923 г.). Не все 864 человека трудились на фабрике — 114 мужчин и 56 женщин работали на дому⁵. В январе фабрика вырабатывала ножи, вилки, топоры, молотки, щипцы для сахара, веретена и рогульки (для ткацких фабрик); полуфабрикаты как указанных изделий, так и серпов, ножниц и перочинных ножей⁶.

Еще раньше, в годы гражданской войны, кроме традиционных изделий — ножей, вилок, топоров и т.д. — для Красной Армии выпускались шашечные клинки, шпоры, саперные топоры, 8-12 вершковые гвозди для астраханских барж (В.А.Воробьев, «Вачские металлосты», Нижний Новгород, 1990, стр. 11).

В октябре 1918 года были составлены новые «Калькуляции на выработку разных стальных изделий на фабрике Торгового Дома Н-ков Д.Д.Кондратова в селе Ваче»⁷, в которых приводились новые цены на сапожные ножи (№ 794, 795, 797) — 27 руб. 10 коп. за десять штук, мясницкие мелкие (№ 721) — 38 руб. 71 коп., хлебные склепные (желтые мелкие - № 779) — 40 руб. 29 коп., мясницкие широкие и узкие (№ 722, 723) — 47 руб. 24 коп., хлебные двухгаечные мелкие (№ 770) — 38 р. 94 коп., ножи резачки мелкие (№ 788) — 32 руб. 8 коп., при этом в стоимость изделий были заложены отчисления в фонд красноармейцев.

В 1924 году в изданном «Оптовом иллюстрированном прейс-куранте изделий фабрик и заводов муромского металлотреста» об изделиях фабрики говорилось следующее (стр. 29): «... сапожные и другие ремесленные ножи нашей фабрики «Труд» (бывш. т/д Н-в Д. Д. Кондратова, в Ваче), будучи изготовляемы из высокосортной стали и отличаясь высокими качествами и устойчивостью этих качеств, получили широкое распространение среди ремесленников всей России; специальными ножами той же фабрики и в настоящее время работает Московская Хладобойня.

Технические принадлежности из резины мы получаем от Резинотреста в обмен на наши «резиночные» ножи.

Восток привык получать от нас разные размеры «азиатского» ножа, Астраханские и другие рыбные промыслы знают наши: «лещик», «рыбий», «окуньком» и друг. Далеким северянин-охотник привык и теперь требует наши: «беличьи», «тюленьи», «амурские»...

Наш прейс-курант может служить пособием к географии и этнографии Союза, так как многие отдельные народности и группы населения имеют излюбленные сорта изделий — «татарский» складной нож, «Вологодский» топор, «охотничьи», «виноградный» и другие ножи — все это живые иллюстрации к глубоко поучительной картине жизни нашего Союза, требования которого в отрасли ножево-инструментального производства наши предприятия могут удовлетворять полностью.

Различные отрасли промышленности и ремесла по необходимости должны быть знакомы с нашим прейс-курантом. Ножи садовые, шорные, юхотные, табачные, штукатурные, виноградные, для бумаги, копытные и проч. говорят сами за себя».

В этой же брошюре приводились данные о возможности фабрики по выпуску изделий: ножей сапожных и других ремесленных — до 1.500.000 штук в год, ножей десятичных (хлебных, кухонных, крестьянских и других) — также до 1.500.000 штук, топоров — до 300.000 штук.

5 В течение 1923 года количество работников на фабрике «Труд» значительно колебалось. Так, если в январе на фабрике числилось, как сказано выше, 864 чел., то в феврале — 954 чел. («Немного цифр по фабрике № 1», «Луч», № 32, 4 апреля 1923 г.), в марте — 1031 чел. («Фабрика № 1», «Луч», № 42, 20 апреля 1923 г.), в апреле — 902 чел. («Фабрика № 1», «Луч», № 84, 19 июня 1923 г.), в июне — 1070 чел. («Фабрика «Труд», «Луч», № 121, 9 августа 1923 г.).

6 Например, сведения о выпуске ножей на фабрике в том же 1923-ем году следующие: в январе — 48011 (полуфабрикат — 94153), в феврале — 83570 (94580, частей к перочинным ножам — 59460), в марте — 139389 (159782), в апреле — 75513 (113403), в июне — 134435 (144492), в августе — 68201 (59899, частей к перочинным ножам — 26448).

7 ЦАНО, фонд 1810, опись 1, дело 2, листы 98-101.

Вместе с этим, фабрика испытывала затруднения со сбытом товара: «Муромский металлотрест, вырабатывающий на фабрике в селе Вача (бывш. Н-ов Д.Д.Кондратова) цельностальной топор (15-20 тыс. шт. ежемесячно), испытывает большие затруднения с его сбытом. За время с осени и до настоящего момента удалось с большими затруднениями поместить не более 20.000 штук топоров. Качество топора хорошее. При сдаче партии в 12.000 штук ЦУЛПу⁸ были опробованы все 12.000, и все приняты. Затруднения в сбыте проистекают из-за наводнения рынка иностранными топорами — шведскими, финляндскими и т.д., качество которых не выше нашего, во многих случаях ниже» («Торгово-Промышленная газета», № 43, 24 февраля 1923 г.).

В марте последовал еще один заказ на топоры, на этот раз через павловский производственный союз по обработке металлов от Всероссийского союза промысловой кооперации: «Согласно личных переговоров с Вашим членом правления П.А.Коминым просим закупить в Павлове:

2.000 шт. топоров плотничьих Кондратова 7 и 8 пуд, светлых, фасоны Азиатские и Бельского в равных пропорциях...

Топоры должны быть куплены не выше 8-50 к. - 9 руб. штука ...

Товар Вы должны отправить в Иркутск в адрес Представительства Якутской Автономной Социалистической Советской Республики при Народном Комиссариате по делам Национальностей ...» (письмо подписали 20 марта 1923 года член правления Ульпи и зав. металл. отделом Изнар)⁹.

Из одного из статистических отчетов, опубликованных в «Луче» (№ 84, 19 июня и № 85, 20 июня 1923 г.), узнаем, наконец, названия и количество цехов, функционировавших на фабрике в этот период: цех № 1 — ковка на молотах, № 2 — ковка ручная, № 3 — калки и шлифовки, № 4 — топорный, № 5 — перочинный, № 6 — череночно-пропускной, № 7 — присадочный, № 8 — механический и № 9 — веретено-рогулечный.

Одним из методов повышения производительности труда на фабрике и выполнения производственного плана или, как говорили, программного задания явилось проведение технических совещаний. Первое такое совещание состоялось 30 января 1923 года («Луч», № 10, 3 февраля 1923 г.). Коротко о нем. Совещание открылось докладом заведующего фабрикой Свитнева о состоянии фабрики. Его доклад дополнил заведующий производственно-технической частью: «Не должно быть возврата к 18-20 г.г., когда товар портился безнаказанно, материал расхищался, когда рабочие не хотели слышать никаких приказов, отдаваемых в целях улучшения производства. И теперь, к сожалению, наблюдаются случаи самостийности, которые необходимо изжить». Заведующие цехами, в свою очередь, заявили, что «в силу объективных условий работать чрезвычайно трудно и в скором времени поднять качество товара до уровня 1913-14 г.г. не предоставляется возможным. Недостаточность ремонта, отсутствие калиброванного материала, нет инструмента, в некоторых цехах отсутствуют рабочие высокой квалификации».

Всего имеются сведения о четырех таких технических совещаниях, проведенных на вачской фабрике в течение 1923 года: 30 января («Луч», № 10, 3 февраля), 13 февраля («Луч», № 17, 20 февраля), 28 июня («Луч», № 98, 6 июля) и 18 октября («Луч», № 180, 31 октября).

Таким образом, благодаря опубликованным в «Луче» материалам о технических совещаниях в течение 1923 года представляется возможность составить именной список некоторых участников: заведующий фабрикой Свитнев, председатель подрайкома Маурин, член правления муромского металлотреста Пронин, инженер Соколов, старший мастер ножевого цеха Я.М.Чупров, мастер топорного цеха Зинягин, заведующий производственно-технической частью В.Г.Чупров, докладчики от ножевого цеха Чугунов, Юрлов, Гудков, Кузнецов, докладчик от присадочного цеха Анхеров, докладчик от веретено-рогулечного цеха

⁸ Центральное управление лесной промышленности ВСНХ СССР.

⁹ ЦАНО, фонд 1820, опись 1, дело 12, лист 88.

Воронин, бухгалтер фабрики Кузнецов.

Кроме производственных вопросов, связанных с поломками и ремонтом оборудования, выполнения производственного задания, организации работ в целом, обсуждались и другие, например, 13 февраля старший мастер ножевого цеха Я.М.Чупров на вопрос члена правления муромского металлотреста Пронина — не работают ли рабочие фабрики на кустарей (на лобковской шлифовалке), ответил, что «это вполне возможно, и находит, что пока нами не будет своевременно выплачиваться заработная плата, до тех пор этого зла нам не изжить».

На том же совещании заведующий производственно-технической частью В.Г.Чупров доложил, что в связи с необорудованностью никелировочного отделения в столовых ножах «стальная ручка» вместо никелировки применяется воронение, и это «от нужды», так как изделия быстро ржавеют.

На техническом совещании 28 июня по предложению С.А.Ветрова¹⁰ было постановлено сделать попытку к возобновлению изготовления металлических дурых ручек для ножей.

Но более всего интересны сведения о забастовке на фабрике и стачках в топорном цеху, вызванных, очевидно, введением новых норм: «заведующий топорным цехом тоже отмечал, что после стачек, имевших место в цехе, рабочие еще не втянулись в производство, ожидают пересмотра норм» и «забастовка на главной фабрике психологически отразилась и на рабочих отделения [веретено-рогулечного цеха], несмотря на то, что они непосредственно не были затронуты новыми нормами» (техническое совещание 18 октября).

Над выработкой новых норм, по-видимому, поработало технико-нормировочное бюро фабрики, о котором в статье «Завод «Труд»¹¹ («Луч», № 167, 13 октября 1923 г.) было сказано: «Усиленно работая над определением норм выработки, все же не успело закончить этой работы, вследствие чего на фабрике отсутствует и правильная тарификация, и научно-обоснованные нормы».

Впрочем, о новых нормах выработки и последствиях их введения газета «Луч» сообщала и далее: «Введение «жестких» норм выработки чрезвычайно отрицательно отразилось на размерах производства фабрики «Труд» за сентябрь месяц с.г., потому что рабочие большинства цехов (особенно тех, которые сильнее всего были «задеты» новыми нормами) стали работать не с прежней продуктивностью. ... Брожение, вызванное введением новых норм, не улеглось до сего времени, создавая перебои в работе» («На фабрике «Труд», № 172, 20 октября 1923 г.).

Одно из первых упоминаний на страницах «Луча» вачской фабрики под новым названием «Труд» произошло в августе 1923 года — «Луч», № 121, 9 августа 1923 г.: «... производство фабрики № 1-й (ныне фабрика «Труд») улучшается с каждым месяцем, и фабрика растет, несмотря на целый ряд неблагоприятных условий»¹².

К числу некоторых неблагоприятных условий в статье относилось следующее: «Сормовские заводы в обмен на стальные обрезки дали немного стали, но она мягка и далека до Путиловской по качеству, хотя прокатана и по указанным размерам.

А Правление Треста, меж тем, в самой категорической форме требует представления изделий лучшего качества, на что обращено и главное внимание заводууправления. Товар

10 Необходимо отметить, что указанный С.А.Ветров является автором труда «Двадцать лет рабочей организации». — Гор. Муром, Кулебаки, Выкса. Истпарт. Госуд. издат., 1923 г. В работе приведены сведения об 11 фабриках (владелец, вид продукции, год основания, число рабочих), 20 шлифовальных мастерских (владелец, местонахождение, вид двигателя, год основания, число работников), 46 кустарных мастерских, расположенных в Ваче и районе вокруг нее.

11 Несмотря на то, что статья называется «Завод «Труд» - в тексте по-прежнему предприятие именовалось фабрикой.

12 Фабрика получила название «Труд» с мая 1923 года (В.А.Воробьев, «Вачские металлисты», Нижний Новгород, 1990, стр. 14).

теперь, как по качеству, так и по внутренним своим качествам вполне приближается к качеству довоенного времени».

Как и летом 1922 года в августе 1923 года фабрика опять простаивала без работы. Вызвано это было тем, что «что рабочие производственных цехов были отпущены на сельскохозяйственные работы, а потом, за отсутствием дров, прекратил свою работу топорный цех. Это обстоятельство весьма отрицательно сказалось на размерах производства за месяц, и производственная программа в августе была выполнена всего лишь в размере 47,04% задания на месяц. Обильно льющие дожди превратили лесные дороги в топи, непригодные для проезда, — и топливо, заготовленное в достаточном для производства количестве в дачах «Тренино» и «Шадринка», долгое время не могло быть переброшено на фабрику» («Завод «Труд», «Луч», № 167, 13 октября 1923 г.).

В 1923 году фабрика «Труд» в составе муромского металлотреста принимала участие в первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке СССР. Как отмечалось в «Каталоге промышленности» (вып. I, издание выставочного бюро при президиуме ВСНХ, стр. 12): «На выставке фабрики и заводы треста представили ряд экспонатов: столовые ножи, вилки, карманные ножи, щипцы, штопора, ножницы, бритвы, сечки для мяса, серпы, топоры и т.д.».

С января 1924 года возобновились технические совещания с участием заведующих фабрик Вачского района — «Труда», «Красного металлиста» и «Луча» («Техническое совещание Вачского района металлообрабатывающей промышленности», «Луч», № 1, 1 января 1924 г.).

В 1924 году на смену сухим отчетам, насыщенным числовыми данными, публикуемым в «Луче», пришли бытовые очерки, посвященные вачской фабрике, условиям работы, быта рабочих и т.п. Среди них особенно выделяется статья «Яма» Дмитрия Рабочего («Луч», № 111, 20 мая, № 112, 21 мая 1924 г.). «Кто имеет возможность пользоваться изящными ножичками и вилочками гравированной работы с клеймом «Кондратов с. Вача», вероятно, и не подозревает того, что в его руках не нож, не вилка, а сгусток человеческой крови, жизни полной лишений...» — так начинается указанная статья, построенная на противопоставлении жизни Вачи до 1917 года и после.

Нетрудно понять, что «Яма» — это ни что иное, как вачская фабрика: «Рабочий Вачской фабрики, родясь и выросши в Ваче — мерял свою жизнь так: дом, фабрика, церковь — снова дом, снова фабрика, снова церковь, снова фабрика и, наконец, могила.

Его дом стоял, как и церковь на плоскости, а фабрика зияла окнами в яме, а шагах в ста от нее по склону оврага тянулось кладбище.

Вот и все пути, которые дал Кондратов вачскому рабочему.

И рабочие Вачи окрестили за все свои мучения от нечеловеческого труда — Вачу и фабрику — ямой».

Саму «Яму» — фабрику — автор рисует такой: «Монастырские узкие окна, закопченные и запыленные от времени — пропускают незначительные полосы света, тусклые стены и потолки, сырость в нижних этажах «точильни» и «личильни» создают мрачно-тюремное настроение.

Вентиляции отсутствуют, отсутствовали и раньше. Сами стены старые, какие-то рыхлые.

И вот в этих стенах, там в подвалах, забрызганные от «точила» водой стоят люди в сырости по восемь часов, выделявая красивые топоры, ножи, вилки...

Раньше за это они получали от 12 до 30 рублей, теперь, принимая во внимание соотношение цен рынка, некоторые категории получают большие, некоторые почти то же самое, что и раньше».

Так было, но так не должно быть, говорит автор. Что же произошло за шесть лет?

«В Ваче теперь имеется, правда, небольшой, но охотно посещаемый рабочими клуб.

При клубе имеется библиотека-читальня. В Ваче находится обзавком металлистов, охраняющий труд и интересы рабочего.

Фабриками бывшими Кондратова теперь управляет сам-же рабочий через свой Металло-трест.

В Вачу все больше и больше начинает поступать газет, — Вача начинает любить советскую газету».

А что же сама фабрика? «Корпуса фабрики остались старыми, еще больше обветшали и требуют ремонта, полного переоборудования.

Корпуса расположены не целесообразно, не в порядке хода производства выработки продукта, а «так-просто», как принято в таких случаях называть».

Но темна еще Вача, «стоящие близ Вачи и в самой Ваче кресты на перекрестках, распугивающие чертей, леших, русалок и ведьм, — разве это не говорит о том, что в это кто-то еще верит?»

В другой статье — «По дороге с фабрики» («Луч», № 115, 24 мая 1924 г.) — автор с горечью говорит о невыплате заработной платы: «Третий месяц не выдают нам зарплаты. Просто беда. На собраниях все о денежной реформе говорят, о том, что серебро выпускать начали. Хоть бы поглядеть нам на звонкую монету» и тут же подмечает у дома самогонщика некоторых местных руководителей: «Зеленый змий еще хуже религии одурманил их. На глазах трудящихся деревни предаются они пьянству, подавая тем самым пример другим».

Также интересна беседа красноармейца с рабочими фабрики во время обеденного перерыва: «А как военное обучение проходило у вас? — спрашивает пожилой рабочий, долгое время служивший в солдатах при старом строе.

Отвечает отпускник — Занятия легкие были у нас. Несколько часов только строю обучали, а то все в казармах. Командиры с нами все хорошо обращались, как товарищи наши были, а после занятий вечером иди куда хошь. Часто в театр по бесплатным билетам попадаешь» («Отпускник среди рабочих», «Луч», № 120, 30 мая 1924 г.).

Где отдыхали рабочие после фабричного труда, где их агитировали, готовили к новой жизни, как был устроен их быт? Несмотря на то, что согласно статье в январе 1919 года молодежь могла повеселиться в народном доме, были в нем и спектакли, и танцевальные вечера, и т.п., позже — в декабре 1922 года в другой статье — под названием «Кума, кума, дай ключ мне!..» — говорилось следующее: «Не везет вачским рабочим с рабклубом, и сколь ни бьется Кустком с вопросом о скорейшем его открытии, — дело вперед не подвигается. ... Свыше полгода тому назад возник вопрос о рабочем Клубе, свыше полгода рабочие живут надеждой иметь свой уголок, где бы можно было отдохнуть после дневного труда, где бы можно почитать газету, обменяться мнениями, поделиться горем и радостями. А теперь уж видя, что верхи в этом направлении делают мало — отдельные рабочие и служащее говорят о «складчине» в пользу снятия где-нибудь комнатухи и покупке дров и керосина для ее отопления и освещения. Кстати, о помещении. Сначала под Клуб обещали отвести фабричное помещение на «Соколе»; потом — передумали и стали обещать «Белый Дом», несколько позднее почти «уступили» дом бывш. Д.Д. Кондратова; потом заговорили об отводе под клуб больничного барака; теперь же часто стали называть помещение фабричного училища» («Луч», № 83, 3 декабря 1922 г.).

Гораздо радикальнее решила вопрос со своим размещением вачская комсомольская ячейка, которая для этих целей использовала дом бывшего фабриканта Коробкова, а его самого — в качестве швейцара: «Сюда молодежь Вачи ежедневно по вечерам собирается, чтобы почитать, поспорить, провести время с большей пользой, чем его проводит «молодежь улицы».

«На огонек» часто тянется и беспартийная молодежь, которой интересно послушать лекцию Ремезова по русской истории, беседу о боге, доклад о задачах молодежи и т.д. И тут вот приходится наблюдать весьма странное явление, заставляющее в недоумении разводить

руками.

В дверях «парадного крыльца» стоит грозный «Цербер» с длинными седыми усищами и внимательно осматривает каждого входящего. Это сам бывший фабрикант и владелец дома Коробков, добровольно выполняющий частенько роль швейцара.

– «Беспартийный? В шею!» — рычит он, беря за шиворот какого-нибудь юнца.

– «Коммунист? Пожалуйте!» — он подбирает живот, вытягивается и дает дорогу юнцу, слащаво улыбаясь («Греется у огонька», «Луч», № 8, 30 января 1923 г.).

В феврале 1923 года вопрос с рабочим клубом был, наконец, решен: «Правление Муромского металлотреста под рабклуб отвело верх Белого Дома (бывший Кондратова), и к настоящему времени клуб уж заканчивается оборудованием: туда проводят электричество, поставляют мебель, книжные шкафы и пр.

На открытие клуба ожидается приезд товарищей, занимающих видные посты в управлении нашей промышленности. Возможно, что к этому времени прибудет сюда и первый Нарком труда Шляпников, одно время работавший токарем по металлу на здешней фабрике» («Открываем рабочий клуб», «Рабоче-крестьянская газета», № 9, 9 февраля 1923 года).

В декабре 1922 года по распоряжению председателя правления муромского Металлотреста для рабочих фабрики № 1-й была оборудована ночлежка в бывшем помещении фабричного училища, которая «не будет уже походить на бывшую «мориловку», где было вечером жарко, как в бане, а среди ночи и особенно к утру, холодно, как на Северном полюсе» («Трест для рабочих», «Луч», № 94, 28 декабря 1922 г.).

В апреле 1923 года об условиях проживания рабочих «Труда» отмечалось: «Квартир рабочим от заводоуправления не полагается, но для приходящих рабочих оборудовано довольно обширное общежитие в помещении бывшего училища. В общежитии рабочим можно приготовить пищу, получить кипяток, — в последнее время и заводоуправление, и Отдел Охраны Труда Подрайкома озабочен тем, чтоб для каждого отдельного рабочего были введены отдельные койки с матрацами» («Фабрика № 1», «Луч», № 42, 20 апреля 1923 г.).

Спустя несколько месяцев ситуация с жильем для рабочих существенно не изменилась — в статье «Фабрика «Труд»» («Луч», № 121, 9 августа 1923 г.) о жилищных условиях рабочих говорилось почти, как и в апреле: «Квартир для рабочих не имеется, но для приходящих рабочих оборудовано довольно обширное помещение (бывшее училище) под общежитие. Внизу общежития можно получить кипяток, приготовить пищу, и в помещении всемерно поддерживается чистота. Отдел Охраны Труда Подрайкома озабочен тем, чтоб для каждого отдельного рабочего была отдельная койка с матрацем».

В конце 1925 года владимирская газета «Призыв» (которая, нужно отметить, не особенно часто обращала внимание на Вачу) поместила маленькую заметку рабочего Кожина «Тянут с постройкой поселка», в которой сообщалось: «С жилищным вопросом на фабрике Труд в селе Вача куда как плохо обстоит дело. При фабрике имеется общежитие только на 600 человек, а в него вселено рабочих больше 2000. Треть рабочих живет в селе на частных квартирах. В общежитии приходится жить в очень плохих санитарных условиях. Оно битком набито. Человекам восьмистам приходится ночь коротать на голом полу» (№ 299, 31 декабря 1925 г.).

«Традиция» считать койку с матрацем достаточной заботой о рабочем сохранилась и десятилетие спустя — «В тесных общежитиях рабочие спят на голых матрацах, без простынь и подушек. Находятся «умники» из числа руководящих работников треста «Медицинский инструмент», которые вместо того, чтобы озаботиться приведением жилищ рабочих в порядочный вид, с глубокомысленным сомнением спорят о том, не будет ли «введение простынь без предварительной большой культурной работы мероприятием преждевременным и неэффективным»¹³» («На родине хирургического ножа», «Правда», № 97,

¹³ Завод имени Ленина, п.Ворсма.

8 апреля 1935 г.).

Можно ли сказать, что рабочий клуб был основным и единственным местом отдыха вачкан? Нет, конечно. Еще была улица, а там — «Народу на улице много. Трезвые, немножко нетрезвые, почти трезвые, немножко хватившие, слегка хватившие, сильно ударившие... Есть даже урезавшие, налимонившиеся, надрызгавшиеся... Поют, кричат, ломаются, — а вот немного повыше чинно прохаживаются кавалеры с барышнями и ведут «нежные» разговоры» («Бытовые мелочи», «Луч», № 117, 27 мая 1924 г.). Или вот еще одна сцена: «Престольный праздник в разгаре. Большой съезд попов, приезд из Мурома известного регента Зворыкина, общее «благолепие» храма, наконец, привлекли из окрестных селений много молящихся, и церковь была битком набита народом. Но тихое, стройное пение не понравилось вачканам: здесь любят, когда гаркнут во все горло, и мастерское руководство Зворыкина хором не было оценено по достоинству. В церковь шли «послушать певчих», а не молиться, и нужно вообще отметить, что в Ваче народ далеко не из верующих, а бывшие недавно антирелигиозные диспуты, на которых духовенство неизменно терпело фиаско, еще больше расшатали «религиозные основы».

... У лавок-шатров, длинными рядами протянувшихся возле церкви, толпится народ: раскупают и грязный ландрин, и картофельные конфеты, и пыльное мороженое. — «Жаль, — расчета не выдали, а то бы лафа нашему брату!», — отмеривая паршивенький ситец, говорит торгаш, — «ну да и то кой-что подзаработаем!» («Вачкане празднуют (набросок с природы)», «Красный луч», № 160, 22 июля 1924 г.).

Таким образом, газета Муромского совета рабочих и крестьянских депутатов, которая в виде отдельного самостоятельного издания под названиями «Известия», «Луч», «Красный луч» существовала до ноября 1924 года, в начале 20-х годов XX века регулярно освещала жизнь Вачи. Одними из наиболее активных корреспондентов, обеспечивавших газету актуальными материалами, являлись Живой и Михаил Лидин.

Последний номер газеты вышел 28 ноября 1924 года, после чего она слилась с владимирским «Призывом». Только в 1930 году газета вновь вышла в Муроме, но это был уже «Муромский рабочий». В этом же году начала выходить и вачская газета под названием «За пятилетку».

И.З.

14 сентября 2012 г.